

**О так называемой
«памятной плите» времени
Ивана Грозного у Никитского источника
в окрестностях Переславля-Залесского**

Л.Б. Сукина

Каждый этап «возрождения» русской православной церкви всегда был связан с «обнаружением» новых, до этого неизвестных святынь — мощей и реликвий. Так было в XV, XVI и в XVII веке, этот процесс происходит и сейчас. Значительная часть из этих святынь имела сомнительную подлинность. Характерным примером в этом отношении служат так называемые «корсунские древности», значительное количество которых обрелось в монастырских ризницах в XVII столетии¹.

В Переславлe-Залесском в настоящее время мы можем наблюдать восстановление и развитие культа преподобного Никиты Столпника — единственного из переславских святых, удостоенного общерусского почитания². В начале 2000-х гг. были вновь «обретены» его мощи, из музея в Никитский монастырь, возвращенный церкви, переданы железные вериги, возобновлен колодец в Слудном овраге, выкопанный, как утверждаетcя в тексте жития преподобного, самим Никитой во время его монашеского служения в обители. На дне колодца бьет источник со студеной родниковой водой, которой приписываются целебные свойства.

Возле часовни, возведенной около Никитиногo колодца, пару лет назад вдруг «обнаружился» некий кусок белого камня с выбитым на нем текстом. Его сразу же стали показывать туристам и паломникам как «памятную плиту Ивана Грозного». Вот, что пишут о нем в популярной статье о «роднике Никиты Столпника», опубликованной в местной газете «Переславские вести», сотрудники национального парка «Плещеево озеро» Л.В. Воробьева и М.А. Дорофеева: «Рядом с часовней находится часть белокаменной плиты со старинной надписью, рассказывающей об исцелении царевича Ивана и поставленной в свое время по распоряжению грозного царя Ивана IV»³.

Если бы эта информация соответствовала действительности, то можно было бы только порадоваться сенсационному открытию редчайшего памятника русской эпиграфики XVI в., который, к тому же, являлся бы ценным источником, содержащим сведения о жизни семьи Ивана Грозного и значении для нее культа Никиты Столпника. В свое время М.Н. Тихомировым в рукописи хранящихся в ГИМе Милютинских четых-миней было выявлено и исследовано «Сказание о новейших чуде-

сах» Никиты Переславского⁴. Согласно этому Сказанию, Иван Грозный в 1555 г. прибежал к «помощи» Никиты Столпника, используя целебную воду из его источника, во время болезни царевича Ивана Ивановича, когда тот «по лете рождения своего месяца мая впаде <...> в зельную болезнь»⁵. Но было ли это событие как-либо отмечено в Никитском монастыре, неизвестно. В монастыре был обнаружен только один памятник эпиграфики, связанный с именем Ивана Грозного, — ктиторская плита на паперти у южного входа в Никитский собор, текст которой рассказывает об освящении храма в 1564 г.⁶

Конечно, Никитский монастырь, несмотря на постоянное внимание к нему краеведов и историков архитектуры, изучен не во всех подробностях, и здесь могут быть обнаружены какие-то детали и артефакты, ускользнувшие от взгляда специалистов и любителей старины. Однако предпринятое мною исследование фрагмента белокаменной плиты у Никитского колодца, к сожалению, должно разочаровать авторов легенды о вновь найденной «старинной надписи», сделанной по распоряжению Ивана Грозного.

Кусок белого камня, лежащий у юго-восточного угла часовни на источнике представляет собой удлинённую по вертикали плиту с ровной лицевой поверхностью и имеет следующие размеры: длина — 126 см; ширина в верхней части — 35 см; в нижней — 10 см; толщина — около 25 см. Камень сильно обколот со всех сторон, но его внешний вид не оставляет сомнений в том, что это — фрагмент русского средневекового надгробия. Угадывается его первоначальная трапециевидная форма с сужением к нижней части. Верху слева видна часть традиционного для надгробных плит середины — второй половины XVII в. резного орнамента из двух перевитых жгутов, каждый из которых состоит из трех нитей⁷. Подобные орнаменты нередко встречаются и на других надгробиях XVII столетия из старинных некрополей переславских монастырей⁸.

Из текста надписи на лицевой стороне плиты сохранилось только шесть букв. Но и они дают возможность высказать некоторые суждения о ее содержании и предназначении. Верхняя часть плиты с традиционной для надгробий XVII в. орнаментальной «крутящейся розеткой» и датой смерти или погребения утрачена. Сохранился фрагмент, вероятно, третьей строки надписи, состоящий из буквы «Б» (буки), лигатуры «ЖИ» (соединение «живете» и «иже»), буквы «Я» (юс малый). Вместе они читаются как целое слово «БЖИЯ» (божия). Несомненно, это часть традиционной для текстов русских средневековых надгробий формулы: «Лета <...> году <...> в <...> день преставися раба божия». Сохранившееся на нашей плите прилагательное «божия» однозначно указывает на то, что это надгробие — женское. Учитывая, что средняя ширина надгробий XVII в. составляла 50-60 см, можно предположить наличие за этим словом еще одного, короткого, сокращенного. Вероятно, это было «СХИ(М)» («М» здесь —

выносная буква), то есть «схимница», наиболее часто встречающаяся на женских надгробных плитах того времени.

В следующей строке сохранились только две буквы: «кси», читающаяся как сочетание «кс» и «ять», читающаяся как «е». Размещенные по центру строки (слева оставлено свободное поле), они, скорее всего, являются начальными буквами женского имени «КСЕ...» (Ксения?). Отсутствие после имени указания на то, чьей женой была погребенная при жизни (в таком случае этот текст был бы написан во всю ширину строки, как на других многочисленных сохранившихся до нашего времени женских надгробиях XVI-XVII вв.), также подтверждает ее монашеский статус на момент смерти.

Габариты белокаменного фрагмента свидетельствуют о том, что плита была большого размера. Орнамент нанесен аккуратно, а буквы резаны глубоко, красивым, сочным полууставом, что, в свою очередь, говорит о высоком профессионализме мастера надгробия и немалой стоимости его труда. Заказчиком такого надгробия был явно человек нерядовой.

Вероятнее всего, оно находилось в некрополе Никитского монастыря, откуда его фрагмент и был принесен к часовне у колодца. Никитский монастырь в XVII в. пользовался вниманием знатных и богатых покровителей. Среди его вкладчиков были представители царской династии, а также аристократических родов Русского государства — Милославских, Стрешневых, Морозовых, известного княжеского рода Барятинских⁹. К сожалению, в свое время монастырский некрополь описан не был, а ныне он полностью разорен. Теперь мы можем только предполагать, что схимница Ксения, на чьей могиле когда-то лежала рассматриваемая нами плита, принадлежала к одной из семей благотворителей Никитского монастыря XVII в. Ни к царю Ивану Грозному, ни к царевичу Ивану Ивановичу, ни даже просто к их времени данный эпитафический памятник не имеет никакого отношения.

**

- ¹ Корзухина Г.Ф. О памятниках «курсунского дела» на Руси (По материалам медного литья) // Византийский временник. М., 1958. Вып. XIV. С. 129-137.
- ² Согласно Е.Е. Голубинскому, общерусское почитание Никиты Переславского было установлено еще до Макариевских соборов, приблизительно во второй половине XV в. (Голубинский Е.Е. История канонизации святых русской церкви. М., 1998. С. 75-76. [Репринт издания. М., 1903].)
- ³ Воробьева Л.В., Дорофеева М.А. Родник Никиты Столпника // Переславские вести. 2010. 16 июня.
- ⁴ Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М., 1973. С. 76.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Текст впервые опубликован исследователем местной старины К.Н. Тихонравовым (Тихонравов К.Н. Настенная надпись на соборной церкви Переславского Никитского монастыря // Владимирские губернские ведомости. 1854. № 43. С. 339.
- ⁷ Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф. Русская мемориальная скульптура. М., 1978. С. 35.

- ⁸ См., например: Левицкая Н.В., Сукина Л.Б. Надгробные плиты некрополя Горицкого монастыря в Переславле-Залесском XVI-XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. 1991. М., 1997. С. 355.
- ⁹ Тихонравов К.Н. Вкладная книга и синодики Переславского Никитского монастыря // Владимирский сборник. М., 1857. С. 94; Ильинский П.В. Переславский Никитский монастырь и его подвижник, преподобный Никита Столпник. Владимир, 1898. С. 16-20.

Илл. 1. Часовня у Никитского колодца в Слудном овраге.

Илл. 2. Надгробная плита у часовни.

Илл. 3. Фрагмент надгробия с надписью. Белый камень, резьба. XVII в.

